

АНАЛИЗ ОБРАЗА ЖИВОТНЫХ В ЭВЕНКИЙСКИХ СКАЗКАХ

Чжан Мяо

Харбинский научно-технический университет
3195495612@qq.comANALYSIS OF THE IMAGE OF ANIMALS
IN EVENK FAIRY TALES

Zhang Miao

Summary: In the conditions of modern global world reconstruction, it is extremely difficult to preserve national identity. The article is about a unique folklore genre – the fabulous epic of the so-called small northern people, the Evenks. The author refers to the available classifications of folklore prose, and further, analyzing the consequences of cultural and historical diffusion, introduces a number of typical characters of the Evenki fairy tale: a dog, a fox, a snake, a bear and a deer.

The author of the article supports the initiative of famous Tungusic scholars on the subject of careful preservation of original verbal art, since work of this kind will not only preserve monuments of spiritual culture, but will become an invaluable gift for future generations.

Keywords: spiritual traditions, identification, integration processes, nature cult, cultural flows, multiculturalism, everyday culture, animal tales, folklore, Evenk ethnos.

Аннотация: В условиях современного глобального мирового переустройства сохранить национальную самобытность представляется крайне сложным. В статье речь идет об уникальном фольклорном жанре – сказочном эпосе так называемого малого северного народа, эвенках. Автор, обращаясь к имеющимся классификациям фольклорной прозы, и далее, анализируя последствия культурно-исторической диффузии, знакомит с рядом типичных персонажей эвенкийской сказки: собакой, лисой, змеей, медведем и оленем. Автор статьи поддерживает инициативу известных тунгусоведов на предмет бережного сохранения самобытного словесного искусства, поскольку работа такого рода позволит не только сберечь памятники духовной культуры, но станет бесценным даром для будущих поколений.

Ключевые слова: духовные традиции, идентификация, интеграционные процессы, культ природы, культурные потоки, мультикультурализм, повседневная культура, сказки о животных, фольклор, эвенкский этнос.

В условиях современного мультикультурализма сохранить автохонность, традиционное состояние культуры, по мнению А. Адань, «крайне сложно, а практически не представляется возможным», поскольку процесс «культурной консервации» отдельных коренных этносов (так называемых малых народов) представляется весьма сложным: действительно, мир движется столь стремительно, что народы «вольно или невольно включены (или должны включаться)» в современные интеграционно-культурные потоки. Понятно, что интенсивность глобального информационного обмена значительно усложняет процедуру «изучения и сохранения этнической самобытности малочисленных народов» [1, с. 6]. В контексте предлагаемой работы речь идет об элементах культурного пространства¹ «малых северных народов» – цивилизационной уникальности эвенков².

Известно, что эвенки расселены в Сибири, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. По словам М.Г. Воскобойникова, «в древние времена ареалом их расселения было Прибайкалье», эвенки шли стойбищами на Север и Северо-Восток, и на сегодняшний день они живут «по Лене, Енисею, по Нижней и Подкаменной Тунгускам, по Тунгиру, Олекме, Витиму, по притокам Амура, далеко в Якутии, на Сахалине и в самых северных точках Бурятии» [4, с. 3].

Полагаем необходимым упомянуть ученых-тунгусоведов, зафиксировавших памятники национально-го самобытного искусства этого народа: А. Бестужев, В.Н. Васильев, К.М. Рычков, Петри, Ц. Жамцарано, М.К. Азадковский, Е.И. Титов, Г.М. Василевич, В.И. Цинциус, О.А. Константинова, В.Д. Колесникова, Е.П. Лебедева,

1 В данном случае подразумевается «быт – уклад повседневной жизни, включающий удовлетворение материальных потребностей людей (жилище, пища, одежда, здоровье) и освоение ими духовных потребностей (отдых, общение, развлечение)» [1, с. 7].

2 В ходе работы представляется значимым уточнить, что «эвенки часто сами себя называют по-разному: ороньчо, цилинь, манегир, эвенк или солон» [2, с. 12]. А. Адань отмечает, что племенные и территориальные союзы, «смешивающиеся между собой в результате переселений, зачастую объединяются этнонимом “тунгусы”» [1, с. 7].

В статье «Сопоставительный анализ названий домашних животных в эвенком и эвенкийском языках» И.И. Садовникова относит эвенков к одним «из самых многочисленных северных тунгусо-маньчжурских народностей», которые разделялись «по формам своего хозяйства на оленных (охотников-оленоводов) и конных». Однако, эвенки – это «народ России», именуемый в этнографической литературе «как ламуты (от эвенкийского ламу – ‘море’ приморские жители). Основная масса эвенков (ламуты) XVII в. были типичными кочевыми оленеводами и охотниками. Полуоседлые эвенки занимались рыболовством и морским промыслом, транспортными животными служили собаки» [3, с. 620].

Изучая тонкости мифологической сферы, невозможно не обойти вниманием длительные исторические контакты и разноплановые культурные обмены между этносами, поэтому в тексте статьи мы отображаем уникальные особенности персонажей сказок и эвенков, и эвенков.

П.З. Пукшанская, З.О. Айсберг, М.Л. Пинегина, И.И. Суворов и др.

В известных исследованиях акцентируется внимание на том, что эвенки «тяготеют к фольклорной прозе-сказкам и преданиям, устным рассказам», при этом «исключительно серьезно относятся сказители и слушатели к эпическим сказаниям и эпическим песням» [4, с. 5].

По мнению О.Б. Арчаковой и Л.Л. Трифоновой, «культурная диффузия» стала следствием «кочевий и других миграций» из-за ряда природных факторов (неурожай, падеж скота, эпидемии), а также межродовых конфликтов или разбойничьих нападений. Но, несомненно, как пишут ученые-исследователи «сказки эвенков, проживающих на достаточном удалении друг от друга, объединяет ряд общих черт³: сюжетное повествование, жанровая специфика, способ организации текста, символическое и мифологическое содержание» [5, с. 41].

По утверждениям С.В. Колесникова, единой научной классификации сказок «как жанра фольклора» не существует, поэтому их разделяют по разным основаниям⁴, например, Э.В. Померанцева выделяет сказки о животных, волшебные сказки, авантюрные, богатырские, новеллистические, сатирические, сказки-небылицы, докучные сказки и др. [7]; М.Б. Киселева классифицирует по функциональной значимости, а именно: по степени эмоционального воздействия, терапевтическому эффекту, по способам мироустройства и т.д. [подробнее см 8] [цит. по 6, с. 210-211].

В контексте работы представляется значимым пример классификации, предложенной М.Г. Воскобойниковым, где сказка (нимнгакан или нимнгакавун, или нимнгакачивун) в первую очередь, представлена повествованиями о животных, далее следуют сказки волшебные, эпико-героические, бытовые, детские, новые. По утверждениям ученого, животный эпос является одним из распространенных, и, если такого рода фольклор у русских народов именуется «робяцъей сказкой»⁵, то у эвенков сказки подобной природы «бытуют и в детском коллективе, и среди взрослого населения» [4, с. 9-10].

Благодаря кропотливо собранным и сохраненным материалам тунгусоведов, у нас есть счастливая возможность окунуться в сказочное фольклорное наследие эвенков, для того чтобы поближе познакомиться с его типичными героями...

Важно отметить, что звери длительное время было основным источником существования охотничьих народов, поэтому наделялись «тотемными и анимистическими свойствами, что отразилось в сказках и легендах». Более того, описывая национальные повествовательные традиции, Л.Л. Трифонова отмечает, что в силу жизнеспособности мнения о похожести людей и животных в сказках «звери могли говорить, правда, не все, а только самые важные для эвенков – промысловые и одомашненные». М.Г. Воскобойниковым зафиксированы выступления ряда сказителей по этому поводу. Например, Е.А. Докоев и П.И. Никанчин утверждали следующее: «Баунтовские эвенки всегда считали, что лиса, волк, медведь, россомаха, бурундук, заяц говорить умеют». О.А. Константинова рассказывала, что «россомаха говорила, медведь, горностаи говорили, колонок. Ворон тоже разговаривал. Волк тоже говорил, сохатый, дикий олень говорил» [10; цит. по 11, с. 85-86].

По мнению Л.Л. Трифоновой, особое место в мифотворчестве эвенков принадлежит собаке, которая у многих народов считается «вторым после человека существом и по уму, и по способностям, и по любви и доверию к ней Бога». Л.Л. Трифонова в качестве подтверждающего примера приводит сюжет сказки «Сын старушки» [12], в которой героиня подслушивает сонный бред своей собаки: активность животного во сне, «в особой провидческой реальности», гарантирует выживание ее хозяевам. «Черная болезнь» [12], сказка, в которой врач превращается в собаку, чтобы ее природную чуткость и слух использовать для диагностики болезни, поскольку «собаке доступно тайное знание». Собственно, глубинная мораль сказок подчеркивает симбиотическую зависимость человека и собаки: собака, служа, исполняет миссию, а человек, понимая на сколько его жизнь облегчается за счет собак, ценит их и бережет [11, с. 86].

3 В работе «Мифологическое переосмысление реалий новой культуры (на примере эвенкийских сказок)» О.Б. Арчаковой и Л.Л. Трифоновой делается попытка типологизации сказочных героев, а именно: мать-прародительница или девушка, наделяющая героев магическим знанием и открывающая тайны природы; животные, прежде всего медведь и лиса, передавшие человеку навыки оленеводства и охоты; шаманы, научившие пользоваться огнем и указавшие лучшие пути для кочевий и места расселения; герои-охотники, богатыри, научившие бороться с врагами; русские охотники и переселенцы, приобщившие эвенков к продуктам земледелия, снабдившие их современным оружием; герои советской эпохи, внедряющие достижения цивилизации и новые формы коллективной организации хозяйства, вожди революции [об этом подробнее см: 5, с. 41].

4 По мнению С.В. Колесникова, сказки о животных, неживой природе и предметах быта наиболее характерны для коренных народов Севера «благодаря их традиционному образу жизни». Условия жизни, климат, сложная местность формировали саму идею мифотворчества – «боготворить полезных лесных животных». Именно поэтому дикие лесные звери «наделялись человеческими качествами и характерами, как, например, в сказках "Охотник-хвостун", "Как человек получил лук", "Старушка и медведь" [9]». Сказки специфическим образом объясняли реальность, способствуя воспитанию смелого, наблюдательного и ловкого охотника-олленевода [6, с. 212].

5 Сказки про курочку рябу, про репку, про колобка и пр. принято рассказывать детям младшей возрастной группы.

Лису М.Г. Воскобойников называет «ведущим персонажем» в сказках у тунгусо-маньчжурских народов, что подтверждается «многочисленными сюжетами с различными вариантами», которые «контаминируются и образуются единый цикл в виде поэмы о похождениях хитрой и коварной кумушки» [4, с. 10]. Известные сказки о лисе: «Как лисица женщин обманула», «Лиса», «Лисица и кукша» и др.

Сказка «Лисица и налим», в записи В.С. Пежемского [13] объясняет цвет лисьей шкурки – «она покраснела от стыда, что не смогла выиграть соревнование. Проиграв обманувшему ее налиму, лиса сделалась маленькой, злой, коварной и красной как огонь» [4; цит. по 11, с. 86].

Согласно С.В. Глазко, одним из наиболее древних зоморфных мифологических персонажей эвенкийской мифологической культуры является Змей (Змея, Кулин, Дябдар). Земноводное существо – он есть «воплощение мудрости, терпения, знак непрерывного движения, магнетизма, вечности, но в то же время – и символ саморазрушения»; объединяя Землю и Воду, ассоциируется с первоэлементами мира [14, с. 43]. Благодаря работе А.И. Мазина «Традиционные верования и обряды эвенкороочонов (конец XIX-начало XX в.)» мы узнаем, что змей был участником сотворения мира: «Когда-то были вода и небо. В воде жили змея (кулин) и лягушка (баха). Змея была уже старой, часто уставала и очень мерзла в воде. Однажды она попросила свою помощницу-лягушку достать земли и укрепить ее на воде, чтобы змея могла дышать и греться на солнце. Лягушка нырнула и достала землю. Когда она начала ее укреплять, то земля стала тонуть. В это время подплыла змея. Лягушка испугалась, что змея будет ругать ее за беспомощность, перевернулась и стала лапами поддерживать землю. Так и осталась до настоящего времени» [15, с. 19-20].

С.В. Глазко полагает, что змей в качестве эвенкийского традиционного герой является «вариантом мифологического кода, на котором основаны значимые символические сообщения», более того это космогоническое животное играет роль «своеобразного посредника между людьми и нижним миром, защитника, помощника и врачавателя», специфически воплощающего жизненные силы [14, с. 44].

Популярным сказочным персонажем в мифологии эвенков считается медведь – «хозяин, отец, дедушка, Амикан». Как пишет Л.Л. Трифонова, Бог отблагодарил медведя за верность и назначил «старшим в лесах», дав ему в пищу многообразные ягоды и плоды лесных деревьев – об этом повествуется в сказке «О медведе, бурундуке, волке и кедровке» [13; цит. по 11, с. 87].

Как показывают исследования уникальных мифологических текстов, эвенки считают медведя серьезным, сильным и опасным противником («Как медведи людей

боятся стали», «Смелый медведь», «Медведь и карась», «Отчего медведи зимой в берлогу залегают»). Сказки объясняют и различия с человеком, и происхождение медвежьих гастрономических пристрастий, и его зимнюю спячку, и участие в трансформациях действительности...

Например, вот какое объяснение медвежьему образу жизни мы находим в сказке «Отчего медведи зимой в берлогу залегают» [12]: Тангара (хозяин леса) намеренно содрал с лап животного шерсть, чтобы остерегался он ступать по студеной земле; «...с тех пор не стали медведи ходить по лесу зимой. До тепла в берлоге спят. Зверям легче стало». Почему? Пояснение находим вполне логичное: у эвенков медведь считается удачливым охотником, поскольку зимой ему приходится кормиться звериным мясом, а не ягодами и орехами, то зверье в лесу в этот период на убыль шло. Обитатели леса хозяину и пожаловались [11, с. 88].

Широко известны исследования З.П. Соколовой «Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири», где описывается с высокой степенью подробности нюансы культа медведя и медвежьего праздника – одного из «феноменальных явлений человеческой культуры», зародившегося еще в палеолите. По мнению ученого, этот культ детально описан А.Ф. Анисимовым и Г.М. Василевич: эвенки считали его «промышленным, имеющим и тотемические корни (от палеосибирских предков), очень древним, формировавшимся при участии палеоазиатских народов» [цит. по 16, с. 43]. И, далее, «У эвенков медведь еще и полезен: он выполняет лечебную функцию, а кроме того, выступает как культурный герой, давший эвенкам оленей, и помощник бога в создании людей – это тоже явно позднее явление [16, с. 52].

Описывая эвенкийский животный эпос, Л.Л. Трифонова упоминает волшебного помощника человека – речь идет об олене («Как русский и эвенк помощников нашли», «Олени», «Про оленя», «Спор оленей»). Олень «знает путь и видит колдовство, дает магические спасительные советы», приходит по собственному желанию; примечательно, что в сказках он оценивается эстетически, даже с его собственной точки зрения: «критически смотрит на свои достоинства, поскольку не все хорошо, что красиво». По мнению эвенков, оленю полезно самому быть помощником человека, поэтому «дружба» с людьми началась по инициативе самих животных (во имя спасения от волков и медведей, от комариных укусов и пр.) [11, с. 88].

Предложенный в статье обзор отнюдь не раскрывает в полной мере фольклорное мифологическое творчество эвенкийского народа: следует коротко упомянуть о существовании сюжетов о зайцах, бурундуках, рыбах и птицах... По мнению М.Г. Воскобойникова, сказки о животных, прежде всего отражают «материальную культуру эвенков более древнего периода»; сказки помогают

нам узнать об особенностях добывания пищи, изготовлении орудий труда, способах кочевания на оленях; не менее интересны описания обычаев и обрядов (камлания, игрищи) ... Человек пытался понять окружающий мир: сказки, дошедшие до нас стараниями людей, увлеченных культурой малых народов, искренне влюбленных в столь суровый край земли, свидетельствуют «об исключительно тонкой наблюдательности исконных обитателей тайги и тундры, отличном знании повадок рыб, животных, птиц, встречающихся в тайге, тундре и на побережье северных морей» [4, с. 11].

Подведем некоторый итог. Процесс трансформаций в духовной культуре вполне оправдан обустройством нового миропорядка. Сложно не согласиться с А. Адань, по мнению которого, «оставаться на обочине современных информационных и культурных потоков» и не разумно, и невозможно. Но компромисс есть – сочетание диалектических основы этнической культуры и культурного опыта, «бережно и аккуратно преломленного на этническую почву конкретного этноса» [1, с. 13].

По утверждениям М.П. Дьяконовой, «фольклор эвен-

ков остался по своей сути их полноценным достоянием», поскольку «сохранил в новых условиях свои матрицы, структурные модели, мотивный фонд и т.д. ... Не смотря на процессы урбанизации, эвенкийский фольклор сохраняет сюжеты и мотивы в новых условиях жизни». [18, с. 209]. И, далее, нам представляется значимым акцентировать внимание на утверждении автора: «Национальное самосознание не является прирожденным свойством человека» в силу своей историчности [18, с. 212]. Мы абсолютно согласны с А.А. Бурыкиным, который в работе «Малые жанры эвенского фольклора»⁶ крайне эмоционально описывает ситуацию по сбережению текстов афористического жанра – степень их сохранности «не может не вызывать тревогу... Почти каждый образец тут становится редкой удачей собирателя...» [17, с. 6].

Действительно, консервация произведений само-бытного словесного искусства – задача сложная и кропотливая, но благородная: представители современного этноса должны понимать, что все это имеет уникальное значение в качестве памятников духовной культуры, а для будущих поколений – это неоценимый дар.

ЛИТЕРАТУРА

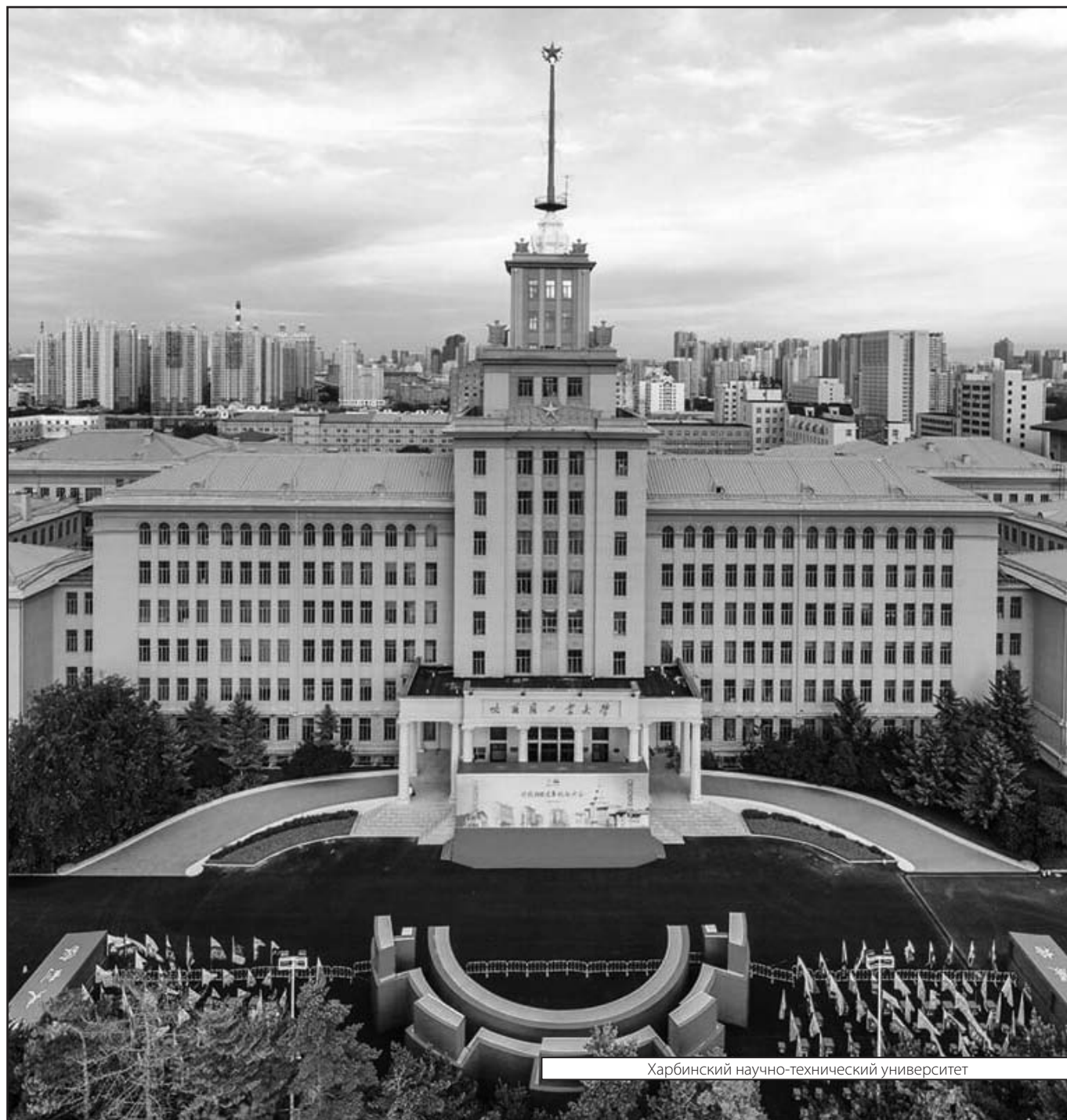
1. Адань, А. Ранние культовые практики как основа духовных традиций эвенского этноса и культурный код этнической культуры / А. Адань // Наука. Искусство. Культура. – 2020. – № 1 (25). – С. 5-15.
2. Афанасьева, Е.Ф. Эвенки Китая / Е.Ф. Афанасьева // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 11-21.
3. Садовникова, И.И. Сопоставительный анализ названий домашних животных в эвенском и эвенкийском языках / И.И. Садовникова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6 (79). – С. 620-622.
4. Воскобойников, М.Г. Кто дал эвенкам солнце [Текст]: Сказки, предания и устные рассказы эвенков / Вступ. статья [с. 3-23] запись, пер. и примеч. проф. М.Г. Воскобойникова; [Илл.: А.И. Аносов]. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – 242 с.
5. Арчакова, О.Б. Мифологическое переосмысление реалий новой культуры (на примере эвенкийских сказок) / О.Б. Арчакова, Л.Л. Трифонова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 46. – С. 41-43.
6. Колесников, С.В. Эвенкийские бабушкины сказки / С.В. Колесников // В сборнике: Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Проблемы сохранения языка и культуры эвенков России и ороочонов Китая. Материалы VIII Всероссийской национальной научно-методической видеоконференции (с международным участием) и материалы круглого стола. – 2020. – С. 209-213.
7. Судьбы русской сказки / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1965. – 220 с.
8. Медведева, И.А. Продуцирование дошкольниками сказочных импровизаций как фактор развития творческого воображения: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.07 / Шадринский гос. пед. ин-т. – Казань, 2001. – 23 с.
9. Сказки эвенкийской бабушки. – Благовещенск. Изд-во «Благовещенск. Дальний Восток», 2019. – 34 с.
10. Воскобойников, М.Г. Эвенкийский фольклор. Учебное пособие для педучилищ. – Ленинград: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1960. – 339 с.
11. Трифонова, Л.Л.: Человек среди животных: (Мифологические истоки эвенкийских сказок) / Л.Л. Трифонова // Обсерватория культуры. – 2006. – № 6. – С. 85-89.
12. Эвенкийские сказки [Текст] / Собраны и обработ. М. Пинегиной, Г. Коненкиным и др.; Ред. и вступ. статья М.А. Сергеева; Рисунки В. Вальтер. – [Чита]: Читгиз, 1952. – 112 с.
13. Пежемский, В.С. Эвенкийские сказки [Текст]: Для детей старшего возраста / Сост. В.С. Пежемский; Под ред. Г.Ф. Кунгурова. – Иркутск; Москва: Огиз, 1937. – 60 с.
14. Глазко, С.В. Змей в эвенкийской традиционной культуре: образ, символ, мифологический код / С.В. Глазко // Научное мнение. – 2011. – № 4. – С. 42-45.
15. Мазин, А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX-начало XX в.) / А.И. Мазин // АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, фило-

⁶ Речь идет о книге, в которую включены 1100 образцов малых жанров эвенского фольклора в виде загадок, пословиц, поговорок, запретов-оберегов, обычаев (предписаний) и примет. Об этом подробнее см: Бурыкин, А.А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты) / А.А. Бурыкин // СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. – 288 с.

- логии и философии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.
16. Соколова, З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири / З.П. Соколова // Этнографическое обозрение. – 2002. – №1. – С. 41-63.
17. Бурыкин, А.А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты) / А.А. Бурыкин // СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. – 288 с.
18. Дьяконова, М.П. Концепт человек в эвенкийском мифологическом цикле творения / М.П. Дьяконова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 9-2. – С. 207-214.

© Чжан Мяо (3195495612@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Харбинский научно-технический университет